MASTER NEGATIVE NO. 91-80016-30

AUTHOR:
LIKHACHEV, NIKOLAI P.

TITLE:
INOSTRANETS...

PLACE:
S.-PETERBURG
DATE:
1898

Master Negative #

91-80016-30

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

Likhachev, Nikolaĭ Petrovich, 1862-1936.
Inostranets-dobrozhelatel' Rossīi v XVII stolietii. N. P. Likhachev. [A foreign well-wisher to Russia in the 17th century...] S.-Peterburg, Tip. A. S. Suvorina, 1898.
16 p. port. facsim. 25½cm.

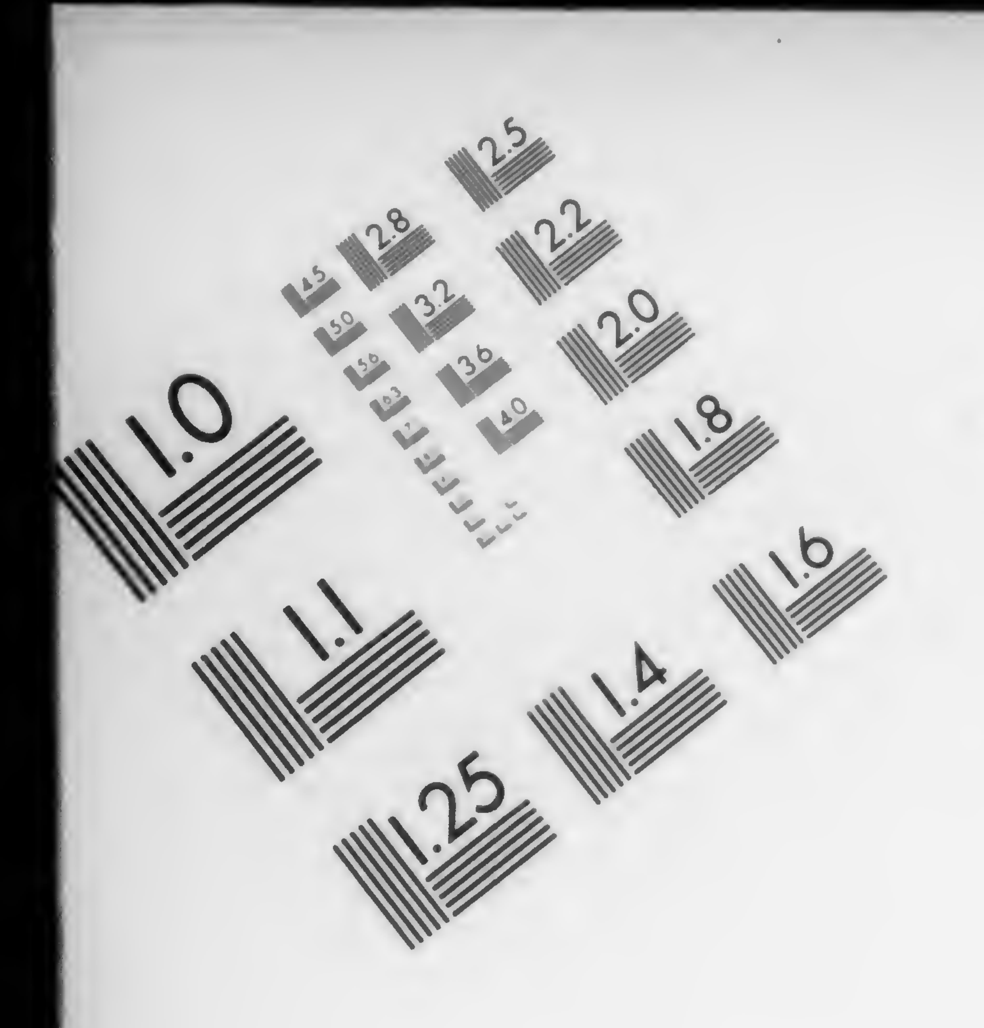
VOLUME OF PAMPHLETS

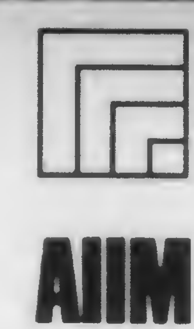
181786

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm. REDUCTION RATIO: 11x
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

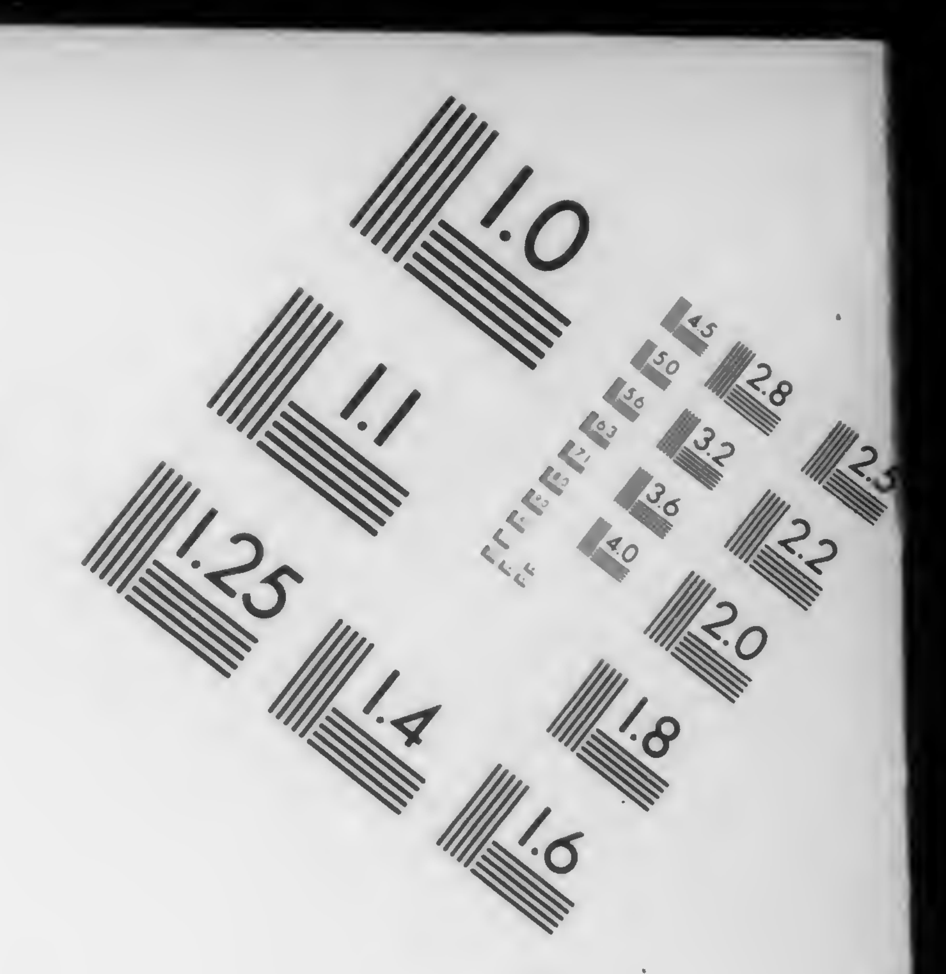

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

Centimeter

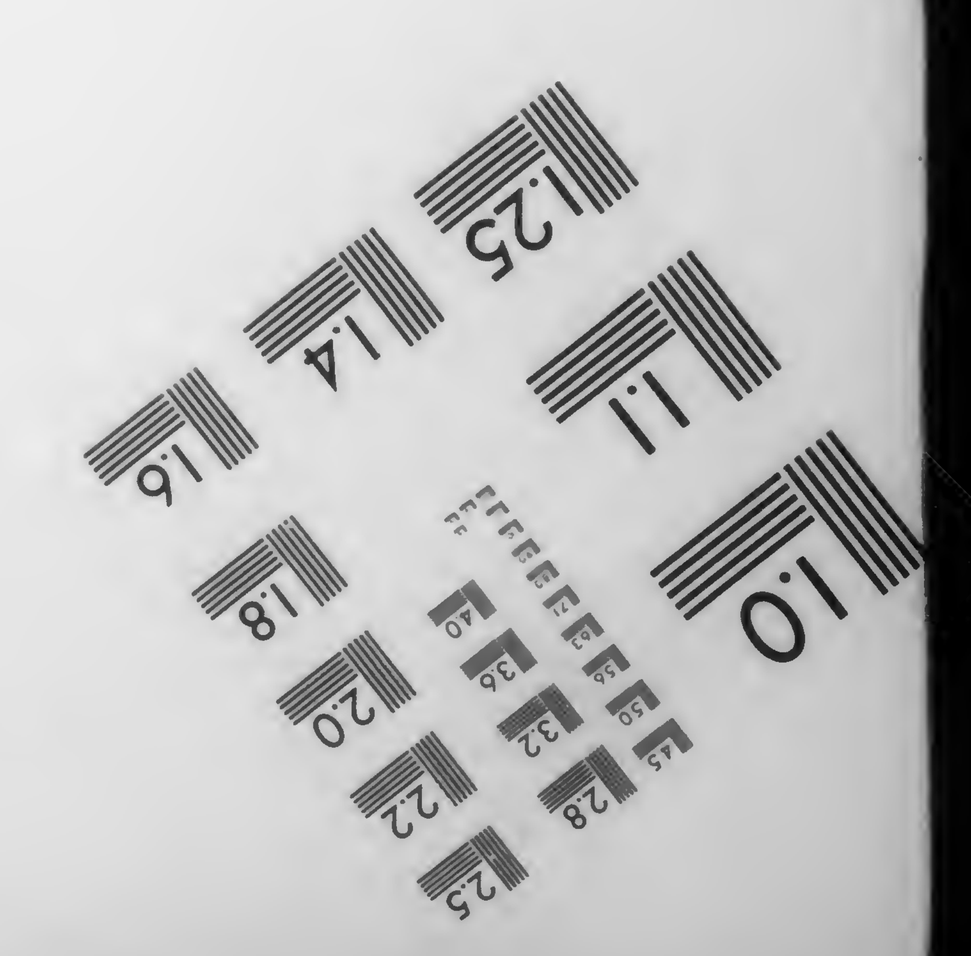
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm

1 2 3 4 5

Inches

1.0 1.1 1.25 1.4 1.6 1.8 2.0 2.2 2.5 2.8 3.2 3.6 4.0 4.5 5.0 5.6 6.3

ИНОСТРАНЕЦЪ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

РОССІИ

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ

Н. П. ЛИХАЧЕВА

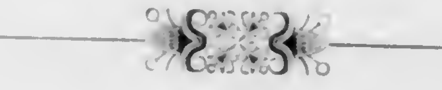
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

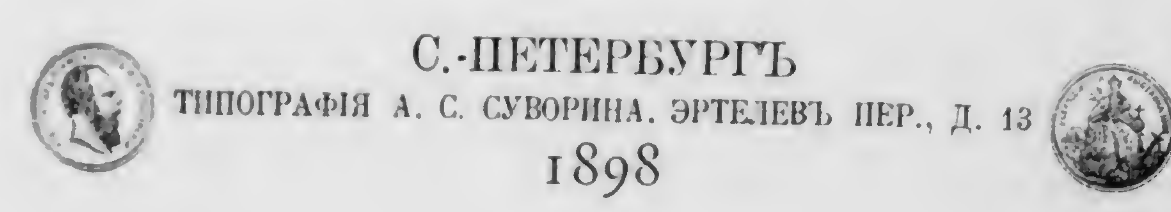
ИНОСТРАНЕЦЪ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

РОССІИ

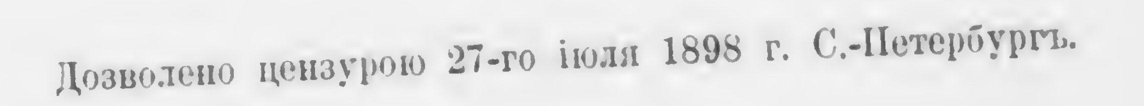
ВЪ XVII СТОЛѢТІИ

Н. П. ЛИХАЧЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

Дозволено цензурою 27-го іюля 1898 г. С.-Петербургъ.

ИНОСТРАНЕЦЪ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ РОССІИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

Ъ ЗАПАДНОЙ Европѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, были въ большомъ употребленіи альбомы, на страницахъ которыхъ друзья и знакомые владѣльца рукописи писали на память. Много такихъ альбомовъ («album amicorum») сохранилось и до настоящаго времени, многіе изъ нихъ были разорваны и распроданы по листочкамъ собирателямъ автографовъ [1]). Подобные листки, записанные историческими личностями, цѣнятся, потому что, кромѣ тщательнаго письма, дающаго всѣ характерныя особенности почерка, нерѣдко содержатъ любопытныя мысли или интимныя мнѣнія того или другого важнаго дѣятеля.

Года два тому назадъ былъ привезенъ изъ-за границы въ Петербургъ такой альбомъ, составленный въ началѣ второй половины XVII столѣтія нѣкіимъ Іоганномъ Алгайромъ (Allgeyer) въ г. Штутгартѣ. Въ этомъ сборникѣ оказалось нѣсколько очень интересныхъ листовъ, которые и были пріобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ автографовъ и гравюръ П. Я. Дашковымъ.

Іоганнъ Алгайръ имѣетъ нѣкоторое прикосновеніе къ русской исторіи и могъ бы быть даже внесенъ въ русскій справочный историческій словарь, какъ лицо, дважды бывшее въ Россіи и со-

[1]) Такіе сборники автографовъ въ антикварной торговлѣ обыкновенно носятъ названіе «Stammbücher».

провождавшее голштинское посольство, результатомъ котораго былъ знаменитый трудъ Адама Олеарія [1]).

Какъ извѣстно, Олеарій былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ. Описывая свой первый въѣздъ 14-го августа 1634 года, онъ указываетъ, что въ торжественномъ кортежѣ (въ которомъ онъ участвовалъ, какъ секретарь посольства, и ѣхалъ передъ послами) въ самомъ началѣ поѣзда вслѣдъ за стрѣльцами находились «Яковъ Шеве (Scheve), фурьеръ, Михаилъ Кордесъ и Іоаннъ Альгайеръ (Algeyer), въ одной шеренгѣ».

Второе посольство герцога Голштинскаго, которое выѣхало изъ Гамбурга 22-го октября 1635 года и вернулось въ Готторпъ 1-го августа 1639 года, побывавъ въ Москвѣ въ 1636 и 1639 годахъ, было обставлено съ большимъ великолѣпіемъ и имѣло огромную свиту, перечисляемую Олеаріемъ подробно.

Между прочимъ кухня находилась въ завѣдываніи четырехъ лицъ: «Іоанна Альгайера (Allgeyer), изъ Безикгейма (Besickheim) въ Виртембергѣ, главнаго повара, съ своею прислугой, а именно: Яковомъ Гансеномъ (Hansen), изъ Тундерна въ княжествѣ Шлезвигскомъ, помощникомъ повара, Іостомъ Шафомъ (Iost Schaff), изъ Касселя Гессенскаго, тоже помощникомъ, и Гансомъ Лукомъ (Luck) изъ Киля въ Голштиніи, поваренкомъ» [2]).

Безикгеймъ, или, какъ его теперь пишутъ, Besigheim, находится въ 29 километрахъ отъ Штутгарта, столицы Виртемберга, и представляетъ изъ себя маленькій городокъ при сліяніи рѣкъ Некара и Энца, замѣчательный въ настоящее время, по Бедекеру, только двумя средневѣковыми башнями.

Вернувшись на родину, Іоганнъ Альгайръ основался въ самомъ Штутгартѣ и устроилъ гостиницу для пріѣзжающихъ. Широкій кругъ разнообразныхъ посѣтителей, съ которыми ему приходилось сталкиваться, какъ хозяину, навелъ его на остроумную мысль завести книгу, въ которой бы останавливающіеся у него болѣе или менѣе интересныя лица писали на память свои имена или цѣлыя сентенціи, излагали свои мысли, писали стихотворенія.

Въ октябрѣ 1667 года, Альгайра посѣтилъ рѣдкій гость—изъ далекой Московіи пріѣхалъ пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори. Бесѣды съ путешественникомъ возбудили воспоминанія о совершенныхъ когда-то путешествіяхъ. И хозяинъ, и гость оказались едино-

1) У самого Олеарія былъ подобный альбомъ, который разсматривалъ и описалъ въ 1851 году М. П. Погодинъ такимъ образомъ: («Москвитянинъ» за 1851 годъ, № 7, стр. 193—194 см. «Современныя извѣстія»).

«Прежде всего я долженъ сказать читателямъ нѣсколько словъ объ альбомѣ Олеарія... Какъ объ альбомѣ Олеарія? У Олеарія былъ альбомъ? Да, да, у Олеарія былъ альбомъ, у того Олеарія, который находился въ посольствѣ къ царю Михаилу Өеодоровичу, посѣтилъ Персію, и оставилъ намъ любопытнѣйшее описаніе своего путешествія. Я видѣлъ самъ этотъ альбомъ. Докторъ Везенмейеръ, проѣзжавшій черезъ Москву въ Саратовъ, показалъ мнѣ его... Я задрожалъ, увидя драгоцѣнность, началъ перелистовать—и повѣяло на меня Русской стариною съ завѣтныхъ страницъ. Путешественникъ просилъ, видно, всѣхъ начальниковъ въ странахъ, чрезъ кои проѣзжалъ онъ, писать ему на память что нибудь въ альбомѣ. Здѣсь встрѣчаются отрывки нѣмецкіе, шведскіе, персидскіе, турецкіе и русскіе. Что же заключается въ русскихъ? Стихи изъ псалмовъ и другія изреченія Священнаго Писанія. Я воображаю себѣ, что русскій воевода или дьякъ, получивъ странное для него предложеніе, усомнился: на что нѣмцу его рука или память, нѣтъ ли здѣсь подлогу какого, чтобъ не попасть подъ отвѣтственность, въ опалу! Подумалъ русскій человѣкъ, да и подмахнулъ: блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ, и тому подобное, — и все-таки утаилъ свое имя, ибо гдѣ рука де, тамъ и голова. Только двое дьяковъ были побойчѣе, въ Казани и Астрахани, Кириловъ и Осиповъ, которые подписались подъ текстами».

Въ настоящее время альбомъ Адама Олеарія, по свѣдѣніямъ академика А. А. Куника, находится въ г. Ульмѣ.

2) См. Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, за 1868 годъ, кн. II, стр. 5. Въ указателѣ къ русскому переводу Альгайръ почему-то пропущенъ.

Пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори.

Съ гравированнаго портрета XVII вѣка Грюна.

мышленниками-поклонниками русскаго государства; въ результатѣ альбомъ Альгайра украсился интереснымъ стихотвореніемъ Грегори, которое мы и воспроизводимъ въ настоящей замѣткѣ по оригиналу, находящемуся въ коллекціи П. Я. Дашкова:

«Господи помилуи дла Іесуса Христуса.

Der tapfre Reusse wird ein Barbar zwar genennet,
Und ist kein Barbar doch, wie diéses Buch bekennet,
Wie mein Herr Wirth auch weiss und ich bezeug es freÿ,
Dass in dem Barbarland fast nichts Barbarisch sey.
Mann sichet hir die Sonn auch auf-und nieder gehen,
Mann sieht das Erdreich hir voll reifer Früchte stehen.
Wie mancher schöner Fluss giebt manche frembde Fisch?
Der Wald giebt Meet und Wild zugleich auf unsern Tisch;
Das Holz auch in die Küch', und vor des Winters Schrekken
Kann, was der Bauer fängt, Fuchs, Wolff und Zobel dekken
Den vorhin warmen Leib, der offtmahls wird bedacht
Mit guten Brandtewein, den selbst die Liebste macht.
Der Bauer der ist fromm, lässt Gott und Einfalt walten.
Die Einfalt lehrt ihn schlecht und recht Sebot zu halten,
Die Einfalt wehrt der Sünd. die Einfalt macht ihn treu;
Die Einfalt ist zugleich der Glaub und Kezerey;
Der Bürger ist nicht frech, vergnügt in seinem Handel
Er ehrt Gott und den Tzarn, ist redlich auch im Wandel.
Doch kommt mann ihm zu nah, so glaubt Er Eyfers-voll,
Er sey darzu geborn, dass Er sich rächen soll.
Es sey lang oder kurz. Und wie soll ich gnug preisen
Den unverglichnen Tzar, den Gross-Herzog der Reussen?
Der unser teutsches Volk mehr als die Reussen liebt,
Und ihnen Kirch und Siz, Sold, Ehr und Schätze giebt.
O höchst-gepriessner Tzar, Gott wolle dich belohnen,
Wer wolte doch nicht gern in diesem Lande wohnen?
Da man auch mit mehr Furcht den höchsten liebt und ehrt,
Als hir, wo Gottes Wort zum Ekel wird gelehrt.
Ade ihr teutschen Freund, zu tausend guten Zeiten,
Ich preise zwar Eur Land und eure Herrlichkeiten,
Doch kann bey wilden Volk ich noch vergnügter sein
Freund Allgaÿr auch Ade, gedenkt am besten mein

Johann Gottfried Gregorij,
der teutschen Evangelischen in Moscau
vollendten christlichen Gemeine Pastor».

Stuttgart
den 26. Octobr. ao. 1667.

Вотъ по возможности буквальный переводъ этого стихотворенія:

«Хотя храбраго русскаго и называютъ варваромъ, онъ все же не варваръ, какъ доказываетъ эта книга, также какъ это извѣстно моему хозяину, и я свидѣтельствую открыто, что въ этой варварской странѣ нѣтъ ничего почти варварскаго. Здѣсь также видятъ, какъ солнце восходитъ и заходитъ; земля (земное царство) здѣсь полна спѣлыхъ плодовъ; многочисленныя рѣки даютъ разнообразную рыбу, а лѣсъ снабжаетъ нашъ столъ медомъ и дичью, кухню дро-

Іоганн помиларъ, ала Іесса Христа

Der tapfre Reusse wird ein Barbar zwar genennet,
Und ist kein Barbar doch, wie dieses Buch bekennet,
Wie mein Herr Wirth auch weiss, und ich bezeug es frey
Dass in dem Barbarland fast nichts Barbarisch sey.
Mann siehet hier die Dorn auch auf- und nieder gehen,
Mann siehet das Erdreich hier voll reicher Früchte stehen;
Wie mancher schöner Fluss giebt manche frembde Fisch?
Der Wald giebt Meat und Wild zugleich auf unsern Tisch,
Das Holz auch in die Küch; und vor des Winters Schrecken
Kann, was der Bauer fängt, Fuchs, Wolff und Zobel decken
Den [illegible] warmen Leib, der offtmahls wird bedacht
mit guten Brandtewein, den selbst die Liebste macht
Der Bauer der ist fromm, lässt Gott und Einfalt walten,
[illegible]
Er ehrt Gott und den Czaren, ist redlich auch im Wandel
Doch kommt man ihm zu nah, so glaubt er hoffart-voll,
Er sey darzu geboren, dass er sich rächen soll.
Es sey lang oder kurz. Und wie soll ich genug preisen
Den unvergleichenen Czar, den Gross-Hertzog der Reussen?
Der unser teutsches Volk mehr als die Reussen liebt,
Und ihnen, Kirch und Sitz, Gold, Ehr und Schätze giebt
O höchst-gepriesner Czar, Gott wolle dich belohnen!
Wer wollte doch nicht gern in diesem Lande wohnen!
Da auch mit [illegible] Furcht den Höchsten liebt und ehrt,
als hier, wo Gottes Wort zum Frucht wird gelehrt.
Lebt ihr teutschen Freund, zu tausend guten Zeiten,
Ich preise zwar hier Land und seine Herrlichkeiten,
Doch kann bey wilden Volk ich nicht vergnügter seyn
Freund Allgaier auch hier, gedenckt am besten mein.

Stuttgard
den 26. Octobr.
A. 1667.

Johann Gottfried Gregorij,
Der teutschen Evangelischen in Moscau

вами. И то, что ловитъ крестьянинъ — лисица, волкъ и соболь — могутъ прикрыть согрѣтое тѣло [1]), неоднократно (зачастую) снабжаемое также хорошей водкой, которую дома приготовляютъ сами милыя хозяйки. Крестьянинъ набоженъ, у него господствуютъ Богъ и простодушіе. Простодушіе учитъ его исполнять, какъ слѣдуетъ, заповѣди, удерживаетъ его отъ грѣха, дѣлаетъ его вѣрнымъ; простодушіе это въ одно и то же время и вѣра и суевѣріе. Горожанинъ не заносчивъ (не нахаленъ); довольный своимъ прибыткомъ, онъ чтитъ Бога и царя; въ дѣлахъ онъ честенъ, но если кто его задѣнетъ, онъ твердо вѣритъ, что рожденъ съ правомъ—рано или поздно за себя отомстить.

«Какъ могу я достаточно прославить несравненнаго (несравнимаго)[2]) царя, великаго герцога русскихъ, который нашъ нѣмецкій народъ любитъ больше русскихъ и нѣмцамъ даетъ церкви, мѣста, жалованье, почести и сокровища. О препрославленный царь! да наградитъ тебя Богъ! Кто не желалъ бы охотно жить въ этой странѣ, въ которой съ бо̀льшимъ страхомъ чтутъ и любятъ Всевышняго Бога, чѣмъ здѣсь, гдѣ слову Божію учатъ до оскомины (тошноты, омерзѣнія). Прощайте, нѣмецкіе друзья, на многіе счастливые годы. И хотя я и прославляю и вашу страну, и ваше великолѣпіе, все же у дикаго народа я могу быть еще счастливѣе. Другъ Алгайръ, также прощай, не поминай меня лихомъ!

Іоганнъ Готфридъ Грегори,

пасторъ нѣмецкаго Евангелическаго въ Москвѣ основаннаго прихода».

«Штутгартъ.

26 октября 1667 года».

Нельзя сомнѣваться, что выраженіе «wie dieses Buch bekennet» относится къ экземпляру труда Олеарія, подъ впечатлѣніемъ совмѣстнаго съ хозяиномъ проглядыванія котораго Грегори и вдохновился воспѣть «варварскую» страну.

Чтобы оцѣнить значеніе приведеннаго стихотворенія и выраженныхъ въ немъ мнѣній, надо остановиться нѣсколько на ихъ авторѣ. О пасторѣ Грегори въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была уже статья въ 1885 году (№ 9) съ приложеніемъ его портрета. Изъ сообщаемыхъ въ этой статьѣ данныхъ мы должны только исправить показаніе: «умеръ въ началѣ 1680-хъ годовъ». На самомъ дѣлѣ Грегори не дожилъ до этого времени [3]). Подробныя біографическія свѣдѣнія о Грегори даетъ профессоръ Д. Цвѣтаевъ въ его изслѣдованіи «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (М., 1890 г.).

---

[1]) Буквально «предъ тѣмъ теплое».
[2]) Не поддающагося сравненію.
[3]) Д. Цвѣтаевъ, l. c. стр. 190.

Іоганнъ, Готфридъ Грегори былъ сынъ мерзебургскаго медика Виктора Грегори. Въ октябрѣ 1658 года, молодой «Яганъ» появляется въ Москвѣ и устроивается учителемъ въ лютеранскомъ приходѣ пастора Фадемрехта. Обративъ на себя вниманіе нѣмецкой колоніи и особенно энергичнаго полковника Баумана, Грегори получилъ возможность пріобрѣсти вліятельное положеніе среди московскихъ протестантовъ. По словамъ самого Грегори, «просили его генералъ Бовманъ съ началными людми и дали ему писмо, чтобы онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву» [1]). Какъ и когда состоялось такое рѣшеніе, нельзя опредѣлить въ точности, и даже, можетъ быть, эта посылка была дѣломъ одного «генерала Бовмана», желавшаго имѣть свою креатуру и преданнаго человѣка, именно, на мѣстѣ пастора. Бауманъ зналъ, что во всякой колоніи, заброшенной вдали отъ родины среди иновѣрнаго народа, лица духовныя—пастыри душъ—пользуются авторитетомъ и чрезвычайнымъ вліяніемъ. Когда уѣхалъ Грегори изъ Москвы, мы не знаемъ, но въ пасторы онъ былъ посвященъ въ Дрезденѣ въ 1662 году до 16 апрѣля, ранѣе же посвященія занимался въ Іенѣ и успѣлъ тамъ получить ученую степень магистра. Въ Москву онъ вернулся съ очень лестными для себя грамотами отъ саксонскихъ курфюрста Іоанна-Георга и герцога Христіана. Изъ грамотъ явствовало, что Грегори «добровольно подвергъ себя изгнанію, отказавшись отъ всего имущества, оставилъ отчи(з)ну, отеческій дворъ, племянниковъ и всѣхъ родныхъ, на своемъ пути подвергался въ жизни многимъ опасностямъ, и все это не для чего иного, но какъ послушный призванію отъ Бога». Кромѣ того, саксонскіе правители свидѣтельствовали, что пасторъ Грегори «весьма разславлялъ и хвалилъ» царя Алексѣя Михайловича за его отношенія къ протестантамъ.

Въ Москвѣ Грегори сдѣлался вторымъ пасторомъ «нѣмецкой аугсбургско-евангелической офицерской общины въ Нѣмецкой слободѣ подъ Москвой» во вновь построенной, главнымъ образомъ на средства генерала Баумана, церкви. Первые годы пасторства для Грегори были годами испытаній, всѣ старые пасторы возненавидѣли умнаго и краснорѣчиваго соперника, и начался рядъ сценъ и ссоръ, отъ которыхъ представители общины приходили въ недоумѣніе, что дѣлать. Дошло до того, что съ пастора Фокерота было взято письменное обязательство не ругать молодаго сослуживца позорными словами ни въ лицо, ни заочно [2]).

Понятно, что Грегори съ удовольствіемъ поѣхалъ въ мартѣ 1667 года въ Германію, посланный общиною для сбора пособій на устроеніе и украшеніе церкви, обремененной долгами. Снабженный

[1]) Ibidem, стр. 95.
[2]) Цвѣтаевъ, l. c. стр. 98.

грамотою къ курфюрсту саксонскому, въ которой русскій царь просилъ отпустить къ нему нѣсколькихъ саксонскихъ рудознатцевъ, Грегори ѣхалъ по Германіи какъ бы посланцемъ отъ московскаго правительства, былъ всюду принимаемъ съ почетомъ и, блистательно выполнивъ данное ему порученіе, вернулся въ Москву въ 1668 году (приблизительно 19 или 20 мая).

Издаваемое нами стихотвореніе Іоганна-Готфрида Грегори и было написано какъ разъ во время объѣзда Германіи.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на тонъ и содержаніе этихъ стиховъ, которые представляютъ не защиту только, а прямой диѳирамбъ Московіи. Правда, что впослѣдствіи въ томъ же 1668 году, во время слѣдствія надъ нимъ по доносу служилыхъ иноземцевъ, его же прихожанъ, Грегори ставилъ себѣ въ заслугу именно то, что онъ въ Германіи восхвалялъ Россію (обвиняли его, что «онъ же называлъ русскихъ варварами») [1]), но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дружескимъ посланіемъ, написаннымъ отъ чистаго сердца. Едва ли бы пасторъ Грегори былъ доволенъ, если бы Алгайръ предалъ стихи его гласности. Въ Москвѣ автора не похвалили бы за утвержденіе, будто царь любитъ нѣмцевъ больше русскихъ, а въ Германіи были бы непріятно изумлены мнѣніемъ пастора о Московіи: «Da man auch mit mehr Furcht den höchsten liebt und ehrt, als hir, wo Gottes Wort zum Ekel wird gelehrt».

Стихотвореніе Грегори знакомитъ насъ съ такимъ мнѣніемъ иностранца о Россіи XVII столѣтія, какими мы не избалованы. Посѣщавшіе Московію иноземцы большею частью очень строго относятся къ нравственнымъ качествамъ народа, подчеркиваютъ, какъ только возможно, деспотизмъ правительства, безправіе и некультурность русскаго общества.

Пасторъ Грегори по уму и образованію былъ человѣкомъ недюжиннымъ—онъ ясно показалъ это своей дѣятельностью какъ въ Москвѣ, такъ и въ Германіи. Неожиданно призванный въ послѣдніе годы жизни создать первый русскій театръ, онъ и на новомъ поприщѣ выказалъ свои дарованія и художественное чутье.

Проживя нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, Грегори съ одной стороны не могъ быть особенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ достоинствахъ своей паствы, среди которой было не мало буйныхъ искателей приключеній, а съ другой онъ попалъ въ Москву какъ разъ въ то время, когда тамъ образовался при дворѣ кружокъ передовыхъ людей, ядро котораго составили Матвѣевъ, Ртищевъ и воспитатели и учители царевичей. Можно навѣрное сказать, что съ нѣкоторыми членами этого кружка Грегори былъ знакомъ, и долженъ былъ вынести хорошее впечатлѣніе. Тамъ были, сколько

[1]) См. статью Д. Цвѣтаева: «Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ.

намъ теперь извѣстно, честные, стремившіеся къ просвѣщенію, идейные люди. Кромѣ того, можетъ быть, Грегори вдумывался и въ нѣкоторые историческіе факты изъ жизни чуждаго, окружавшаго его народа. Недалеко было то время, когда совершилось самоосвобожденіе отъ внѣшнихъ враговъ, когда, какъ писалъ иноземцамъ князь Пожарскій, русскіе люди шли на смертный бой, не ища наградъ и жалованья: «а сами мы—бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне и дѣти боярскіе, служимъ и бьемся за святыя Божьи церкви и за православную нашу крестьянскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья» (августъ 1612 года)[1]). Плохо устроенныя, нерѣдко плохо вооруженныя, московскія рати дѣтей боярскихъ терпѣли неоднократно пораженія, но сами враги не могли бы отказаться засвидѣтельствовать ихъ упорную стойкость. Разбитыя, разсѣянныя войска собирались и опять шли въ бой, движимыя, одушевленныя какимъ-то великимъ чувствомъ, которое отнюдь не было увѣренностью въ побѣдѣ, сознаніемъ своего превосходства надъ врагами. Не мало доблестныхъ подвиговъ русскихъ людей въ теченіе почти безпрерывныхъ войнъ XVI и начала XVII столѣтій записано даже иностранцами. Вспомнимъ, напримѣръ, извѣстіе о поведеніи московской артиллеріи въ бою подъ Кесью 21 октября 1579 года, когда пушкари, видя невозможность спасти тяжелыя осадныя орудія, потерявъ своего воеводу Василья Θедоровича Воронцова, не покинули поля битвы, а повѣсились на пушкахъ!

Иноземцевъ, посѣщавшихъ Россію, непріятно поражало то ревнивое чувство, съ которымъ москвитяне охраняли свою обособленность и которое иногда, казалось, доходило до презрѣнія къ чужестранцамъ. Тогдашніе русскіе люди очень цѣнили свою русскую «природу», вѣру, языкъ и обычаи. Царскіе выговоры, случалось, начинались именно словами, что провинившіеся, «забывъ свою русскую природу и государскіе чины», сдѣлали то-то и то-то [2]). Но то, что казалось со стороны косностью, происходило именно изъ пониманія всей силы вліянія, которое можетъ проявить въ области духа болѣе культурная среда.

Въ сферѣ вещественно-бытовой старая Русь никогда не была консервативной, напротивъ она гонялась за всякаго рода «мастерами», представителями западно-европейской цивилизаціи. Русскіе акты испещрены указаніями на бытовые предметы иностранной выдѣлки, особо цѣнимые и уважаемые. Еще въ 1544 году у Глушицкаго монастыря въ Вологодскомъ уѣздѣ была мельница, при описаніи которой подчеркнуто, что у ней «колесо немецкое» [3]). «Ножи

[1]) С. Г. Г. и Д., ч. II, стр. 606—607.

[2]) Труды Восточнаго Отдѣленія, т. XXI, стр. 312 (іюль 1615 года).

[3]) Грамоты Коллегіи Экономіи, № 2855—14—сотная выпись 7052 года.

угорскіе» [1]), «сѣдла нагайскія и ляцкія» [2]) и такъ далѣе передавались и описывались, какъ предметы особой цѣнности. Самыя святыя иконы украшались произведеніями «еретическихъ рукъ» (ткани, серебряныя издѣлія и такъ далѣе). Одинъ изъ наименѣе образованныхъ и, такъ сказать, либеральныхъ митрополитовъ, Даніилъ, не поколебался приказать перевести на русскій языкъ нѣмецкій лечебникъ (въ 1534 году)[3]). Напрасно было бы думать, чтобы въ Москвѣ считали изученіе иностранныхъ языковъ дѣломъ предосудительнымъ. Герасимовы и Сильваны не были единичнымъ явленіемъ. Въ одной реляціи времени Ивана Грознаго записано, что былъ взятъ въ плѣнъ молодой бояринъ, говорившій полатыни; припомнимъ, какой великой репутаціей пользовался за границей Аѳанасій Власьевъ, худо или хорошо, но несомнѣнно понимавшій нѣсколько языковъ[4]). Можно думать, что знаніе польскаго языка среди наиболѣе образованнаго общества (напримѣръ, среди приказнаго дьячества) было довольно распространено. Нечего и говорить о восточныхъ языкахъ—татарскій языкъ знали многіе воеводы. Въ 1556—1558 годахъ, напримѣръ, въ Астрахани сидѣлъ воевода Иванъ Черемисиновъ, нравившійся ордынцамъ именно потому, что «разумѣетъ языку татарскому»[5]). Иностранцы обыкновенно особенно громили въ московитахъ невѣжество, отсутствіе духовныхъ интересовъ, грубость нравовъ, пьянство и развратъ.

[1]) Акты юридическіе, стр. 92—93.

[2]) Ibidem, стр. 93.

[3]) Жмакинъ, стр. 278, 279. Не говоримъ уже о дѣятельности извѣстнаго архіепископа Генадія Гонзова, который не гнушался и латинскими книгами, для котораго дѣлались извлеченія и переводы съ Вульгаты.

[4]) О латинской псалтири блаженнаго Іоанна Власатаго, Ростовскаго Христа-ради юродиваго, скончавшагося 3 сентября 1580 года, напечаталъ подробное извѣстіе М. П. Погодинъ въ «Москвитянинѣ» за 1850 годъ (кн. V, стр. 33—34). Въ этой псалтири, лежащей на гробѣ угодника Божія, находится вплетенной слѣдующая запись: «Въ лѣта бытія міра 7210, отъ Рождества же Христова въ лѣто 1702, въ царство великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, марта въ 1 день, въ недѣлю вторую великаго поста, пріиде въ Ростовъ преосвященный архіепископъ Димитрій и пріятъ престолъ митрополіи Ростовской и Ярославской. Отъ времени преставленія блаженнаго Іоанна Власатаго, прозываемаго Милостиваго, даже доселѣ бяше на гробѣ его книжица сія зѣле ветха псалтырь Давыдовъ, на латинскомъ діалектѣ, юже той Угодникъ Божій, моляся къ Богу, чтяше, и видѣвъ ю ветху и разсыпавшуюся, преосвященный митрополитъ Димитрій повелѣ ю вновь переплести, и обновивъ паки, на гробѣ блаженнаго Іоанна положи, да лежитъ неотъемлемо въ послѣдняя лѣта. Аще же кто дерзнетъ сію книжицу отъ гроба Іоаннова взяти и освоити, таковый буди анаѳема». Въ подлинникѣ иконописномъ XVIII столѣтіе, изданномъ Г. Д. Филимоновымъ, подъ 3 сентября читаемъ: «Преподобнаго и блаженнаго Іоанна Власатаго Ростовскаго; подобіемъ русъ, брада аки Леонтія Ростовскаго и подолѣ, и кругляя, власы на главѣ велики, риза какъ у Алексѣя человѣка Божія».

[5]) Прод. древ. росс. вивл., ч. X, стр. 40.

Что касается послѣднихъ рубрикъ — грубости, пьянства, разврата, то и въ исторіи западно-европейскихъ культуръ XVI-го, напримѣръ, столѣтія можно подобрать и нанизать нескончаемою нитью рядъ самыхъ анекдотическихъ фактовъ. Жестокіе нравы и распущенность отнюдь не были удѣломъ одной Руси. Русскіе люди, дѣйствительно, любили «вино горячее боярское» [1]) и пили его, можетъ быть, безъ мѣры, но вѣдь и время было такое, что въ оффиціальные памятники, напримѣръ, записывалось, безъ всякаго подчеркиванья и укора—«...и посолъ той ночи пьянъ розшибся, да за немочью, съ королевыми рѣчми не былъ...» [2]). А дѣло идетъ о торжественной аудіенціи у государя.

Недаромъ и пасторъ Грегори въ приведенномъ стихотвореніи относится съ такимъ умилительнымъ снисхожденіемъ къ винокуренію на домашнюю потребу.

Можетъ быть, и въ вопросѣ о распущенности русскихъ нравовъ Грегори не былъ согласенъ съ наблюдателями, ему предшествовавшими. Духовныя лица болѣе другихъ посвящены въ закулисныя тайны культурной жизни, а взаимное соотношеніе культурности и развращенности—щекотливый вопросъ, который наука выяснила еще далеко не вполнѣ.

Въ области высшихъ понятій Грегори, можетъ быть, подмѣтилъ у русскихъ то, что оставалось неяснымъ для кратковременныхъ заѣзжихъ наблюдателей—это пониманіе идей государства, государственныхъ интересовъ, глубокое сознаніе долга по отношенію къ государству и отечеству, наконецъ, нерѣдкое отреченіе отъ личныхъ интересовъ въ пользу отвлеченныхъ, родовыхъ.

Щепетильность московскаго правительства въ вопросѣ о написаніи царскаго титула неоднократно обращала на себя вниманіе изслѣдователей, многіе изъ которыхъ отнеслись къ ней болѣе чѣмъ иронически. Но надо помнить, что этотъ вопросъ всегда былъ связанъ съ вопросомъ о намѣренномъ пренебреженіи или отказѣ признать права, въ титулѣ поименованныя. А вотъ, напримѣръ, еще 5 февраля 1549 года боярская дума выразила свое мнѣніе о разницѣ борьбы за титулъ и за Русскую землю: «...и царь и великій князь о томъ говорилъ съ бояры, пригоже ли имя его не сполна писати... и толко съ королемъ за то слово не сдѣлати, ино противъ трехъ недруговъ стояти вдругъ истомно, и которые крови христіанскіе прольютца за одно имя, а не за землю, ино отъ Бога о грѣсѣ сумнетелно...» [3]).

Въ 1597 году, были посланы въ Персію посольствомъ князь Василій Васильевичъ Тюфякинъ да дьякъ Семенъ Емельяновъ, а

[1]) Этотъ терминъ см. въ «Трудахъ Восточнаго отдѣленія», т. XX, стр. 292. «Вино русское», ibidem, стр. 265 и др.

[2]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 346 (1 января 1503 года).

[3]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. LIX, стр. 291.

съ ними подьячій, переводчикъ, толмачъ, два кречетника и «черный попъ» Никифоръ. Только что посольство выѣхало 5 августа изъ Астрахани въ море, какъ разболѣвшійся князь Тюфякинъ слегъ и скончался во время плаванія. Въ Персіи посольство ждала еще большая бѣда—свирѣпствовала какая-то эпидемія—«немощь огненая». Не успѣли отойти отъ берега и нѣсколькихъ переходовъ, какъ захворалъ второй посолъ. Больной доѣхалъ онъ до города Лаажана. «А въ Лаажане городе, разсказываетъ статейный списокъ [1]), стояли четыри дни, и живучи въ Лаажане, государевы люди всѣ разболѣлися. А изъ Лаажана города сентября въ 26 день государева посла, діака Семена Емельянова, понесли на носилицахъ конечно больново. А подъячево Ивана Дубровского и переводчика Есенъ Алѣя и толмача Стеоана Маслова и стрельцовъ и боярскихъ людей повели,—которой не можетъ на лошади сидѣти, и тѣхъ привязывали къ лошади, чтобъ не свалился; а иной, сваляся съ лошади, тутъ и умретъ; а иново на станъ мертвово привезутъ привязана къ лошади; а иново мужикъ за бедры, сидя, въ беремяни держитъ, чтобъ съ лошади не свалился и не убился. А се жарко непомерно, отъ солнца испекло, а укрытись негдѣ, лѣсу отнюдь нѣтъ. И то-жъ дни Божія воля сталась: государева посла діяка Семена Емельянова не стало въ шахове деревне отъ Лаажана города верстъ за десять. Тутъ его и схоронили; а съ нимъ человѣка его Ивашка Кузьмина...». Дальнѣйшій путь представлялъ не менѣе ужасную картину. Поѣхали въ «Казбинъ городъ»—«а переводчика Есенъ Алея конечно больново посадили на обычную лошадь, а у него сѣлъ мужикъ кизылбашанинъ за бедры, да его въ беремя взявъ, держалъ, а два мужика, по сторонамъ идучи, держали. А Есенъ-Алей и голову по плечамъ изложилъ и очима не взозритъ и не помнитъ ничего...».

И вотъ сталъ помирать и подьячій: «а отходя сего свѣта, подьячей Иванъ Дубровской въ Дилеманѣ городѣ призвалъ переводчика Есенъ-Алѣя Дербышева, больново-жъ конечно, да кречатниковъ Петра Маркова съ товарыщи, да черново попишка Никифоришка, отдалъ кречатнику Петру Маркову съ товарыщи да черному попишку Никифоришку государевы царевы и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи къ шаху грамоты и наказъ Ивашкѣ за посольскою Семеновою печатью и говорилъ: говорю де вамъ по приказу государева посла діака Семейки Емельянова: въ государеве казне въ поминкахъ воленъ Богъ да шахъ и стояти вамъ противъ шаха не устояти, воленъ онъ и надъ вами, не токмо надъ казною, а за государевы грамоты и за наказы помрите, а не могите шаху отдати, хороните и берегите накрѣпко такъ, какъ вамъ Богъ по сердцу положитъ. А будетъ мѣра васъ не возьметъ и

[1]) Труды восточнаго отдѣленія, т. XX, стр. 433.

отстоятись будетъ немочно, и вы вымите изъ мѣшка двѣ грамоты къ шаху да грамоту къ Ѳергатъ хану, прилпки для, малые выбравъ, а не большіе, чтобъ шахъ дѣла не свѣдалъ, для чего послы приходили...».

На утро подьячій Иванъ Дубровскій померъ; въ два дня, предшествовавшіе его кончинѣ, изъ числа посольскихъ слугъ умерло шесть человѣкъ, черезъ день скончался толмачъ и еще двое—одинъ стрѣлецъ да «человѣкъ» кречатника Петра Маркова.

Передъ нами картина страшной эпидеміи: съ момента, какъ почувствовалъ себя больнымъ дьякъ Емельяновъ, и до кончины Дубровскаго прошло всего одиннадцать сутокъ!

Истомленные страшной дорогой, среди приступовъ бреда «огненной немочи», сознавая неизбѣжность смерти, русскіе люди забываютъ личные интересы, заглушаютъ инстинктъ самосохраненія и, подавляя могучимъ усиліемъ воли грозный недугъ, совѣщаются о государственномъ дѣлѣ, имъ порученномъ, даже собственно и не имъ, такъ какъ посломъ-то былъ только дьякъ Емельяновъ!

Сколько душевной силы надо было найти больному дьяку, чтобы успѣть продиктовать подьячему наказъ, обсудить въ немъ мѣры, которыя должны были быть приняты по случаю смерти обоихъ пословъ, и, передавъ дѣла посольства, оформить документъ приложеніемъ печати. Мы видѣли, что и подьячій Дубровскій въ смертный часъ также только и думалъ объ исполненіи своего долга. На высотѣ положенія оказались и единственно уцѣлѣвшіе изъ всего посольства кречатникъ да «черной попишко», которые не растерялись, а справили посольство и представили подробный статейный списокъ.

Поведеніе Емельянова и Дубровскаго не было явленіемъ исключительнымъ, дѣла ихъ случайно сохранились въ столбцѣ съ старинной помѣтой: «сей столпъ безъ начала и конца и мышами съ краю поѣденъ», но немало подобныхъ подвиговъ могутъ быть извлечены изъ другихъ столбцовъ и документальныхъ книгъ.

Старые русскіе люди очень вѣрили въ судьбы Россіи, въ то, что ее ведетъ Промыселъ Божій, и не боялись умирать за русское дѣло.

До насъ дошло письмо одного «простеца», какъ надо думать, къ сельскому священнику. Писано оно, какъ кажется, 14 мая 1610 г., въ разгаръ смутъ и волненій; слогъ его витіеватый, но въ немъ ясно слышится горячій патріотическій энтузіазмъ:

«А про воровскую статью милованіе, чаемъ Владыку Христа, что насъ избавитъ отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей. Божія бо сила непобѣдима, крѣпка и стоятелна бываетъ, а отпадшая движима и непостоятелна, крѣпости не имущи никоея жъ, но токмо прогонителна во адово жилище бываетъ и во тму кромешную, идѣже тля тлитъ и червь не усыпнетъ и огнь ихъ не угаснетъ. Да воспомяни прежъ сего находящихъ на святую и благочестивую вѣру христіянскую злочестивыхъ, богоотступльшихъ и богохулныхъ царей, хотящихъ

прогнати христіянъ и вѣру попрати; не сами ли изгибоша вси и потопоша, яко олово въ водѣ, зѣлнѣ? Да и самъ, господине, вѣси, при твоей памяти содѣяшась многое неистовьствіе: крымскій царь Сапъ-Кирей въ семьдесятъ осмомъ году, грѣхъ ради нашихъ, Господь Владыко на насъ гнѣвъ свой воздвигнулъ, наказуя и приводя насъ и утвержая въ вѣрѣ, огню предалъ и жительство наше въ пепелъ претворилъ, хотя угодникомъ своимъ преселеніе отъ скверны очистити, и не по мнозѣ времяни многажды плѣнъ и кровопролитіе отъ безбожныхъ за грѣхи наводилъ; и послѣди тѣхъ посѣщеній навелъ былъ, превѣденіемъ бѣсовскимъ, антихриста Ростригу; онъ же самъ себе именова быти цесаремъ непобѣдимымъ, не дано бо ему свыше таково именованіе, не погибѣ ли и съ сосудомъ своимъ, уготованнымъ адомъ? И по немъ иные именовалися царьскими дѣтми, Петръ и Болотниковъ Ивашко, хотя воцаритись, воздвигнули на святую вѣру христіянскую брань, и Владыко Христосъ много ль имъ власть держать далъ? А нынѣ Богомъ не даное тѣмъ же окаяннымъ законопопрателемъ и разорителемъ вѣры христіанскіе и святыхъ церквей праги кровью обагрителемъ и крестному цѣлованію ни во что вмѣняющимъ тожъ воспримутъ...» [1]).

Это письмо, являясь отголоскомъ общественнаго убѣжденія, представляетъ намъ интересныя данныя къ объясненію событій, закончившихъ смутную эпоху.

Непоколебимая вѣра русскихъ людей въ могущество московской государственности, основанной на греческомъ православіи, охраняемой самимъ Богомъ, предназначившимъ Москвѣ быть третьимъ Римомъ (четвертому жъ не бывать), отражалась невольно тамъ иногда, гдѣ менѣе всего можно было бы ожидать.

Пораженія, понесенныя московитами во вторую половину царствованія Іоанна Грознаго, должны были бы, кажется, сильно уронить престижъ Россіи, а въ подлинномъ документѣ, напримѣръ, 1588 года читаемъ: «... Да тотъ же выходецъ Ѳилипко сказывалъ: какъ деи онъ былъ у турокъ въ полону, и былъ де въ тѣ поры въ Бурсе, и виделъ въ Бурсе на базаре—турчанинъ смотрилъ въ книгу и учалъ плакати, да сталъ сказывать турчаномъ, что государству Турскому Царюгороду послѣдние лѣта доходятъ, стояти ему з два года да быти взяту отъ русскихъ людей. И того деи турчанина за то велѣли казнити...» [2]).

Въ расцвѣтъ турецкаго могущества, когда турки были грозою всей Европы, зарождается и теплится легенда, что Царьградъ долженъ быть завоеванъ русскими [3]).

---

[1]) Сборникъ князя Хилкова, стр. 12—13.

[2]) Сношенія Россіи съ Кавказомъ, изд. С. А. Бѣлокуровымъ, т. I, стр. 43—44.

[3]) Въ добавленіе къ этому укажемъ на стр. 124—126 интересной книги В. Д. Смирнова: «Турецкія легенды о Святой Софіи» (Спб., 1898).

Въ борьбѣ съ Стефаномъ Баторіемъ Россія была побѣждена и унижена, а черезъ нѣсколько лѣтъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ, что запорожскіе черкасы, не состоявшіе собственно въ подданствѣ московскаго государя, не соглашаются идти на помощь имперскимъ войскамъ безъ повелѣнья его царскаго величества, и гонецъ цесаря проситъ послать къ нимъ царское знамя и повелѣнье (августъ, 1594 года)[1].

Много, конечно, непривлекательныхъ чертъ было въ общественной и бытовой обстановкѣ жизни Руси до-Петровскаго періода, но было нѣчто въ народномъ характерѣ и взглядахъ такое, что могло заставить иностранца, пожившаго въ Москвѣ, измѣнить первоначальное и обычное предубѣжденіе противъ сѣверныхъ варваровъ.

Умный и проницательный Грегори могъ, и не кривя душой, написать печатаемое нами стихотвореніе. Московиты XVII столѣтія вскорѣ доказали свою доброкачественность, русскому народу надо было обладать исключительно хорошимъ организмомъ, чтобы переварить такъ благополучно и легко реформы Петра Великаго.

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній, т. II, ст. 28—29.